

Анафора

Примеры

Глава 2

В ПАМЯТИ... В ПАМЯТИ ЖИВ

Август – сентябрь 1741 г.,

Санкт-Петербург, Бонов

4-2-156

1741, авг, 18. В Примечаниях к «Ведомостям» опубликовали мою оду на день рождения императора Ивана Антоновича. Многие приходили. Поздравляли. Многим и не верил.

4-2-156

Да только разве с этим студентом посидишь? То за чернилами беги. То в Академию бумагу выпрашивать. То вот, как вчера: капусты квашеной с клюквой ему захотелось. А без клюквы, так, нельзя? Ну, достал с пригоршню. С нашей капусткой смешал. Подал. Он и съел. „Вот это, – говорит, – по-нашему”. Тьфу! Ценитель! 4-2-163

А подумать даже – без слёз... – как он дом продаёт... Да со всем... С маминой скамеечкой, с платками её, которые он никому... С самоваром замурзой, с дедовым протёртым кожушком... С детской косой, которую мне мастерил. С зыбкой, что на повети. С печью, что всё наше сколько лет согревало... 4-2-135

Он толкнул дверь. Она подалась без прощального жалобного скрипа. Захлопнулась без желанного стука. Никто не проснулся. Никто не догонял. Никто не уговаривал. 4-1-468

Вот тут и подойду. И поклонюсь. За ночи бессонные над задачками его. За то, что взлетал выше елей, когда решение приходило. За то, что столько раз с ним спорил, своё доказывая, а он примерами на следующих страницах мне и отвечал. Вот уж действительно кто хозяином был моего ума. Вот у кого, поди, сила-то в Москве!» 4-1-487

А как вышли и на звонницу подниматься стали, Мотя и начал: «Дурашка да дурашка». Вместе, у Сысося⁴⁷ стоя, покивали на слова Петра о заботах по обновлению погоревших брусьев и связей, чтоб голос подвешенного колокола выразить. И здесь Миша выслушивал от молодого совсем, его года на два младше, звонаря о поясках да талиях, языках да губах, плечиках да коронах⁴⁸. О звучности и певучести, тонах да полутонах. О благовесте, переборе, перезвоне и трезвоне⁴⁹. О том, что звоны изгоняют нечистую силу. О курантах – часах с колоколами, которые на Часобитной башне стоят. Да про историю отливки, а более – про жизнь Ионы Сысоевича. «И всё словами такими, что только по соседним и догадываешься, о чём говорят. А звонарь ещё поглядывал так... Так... Ну, в общем, понятно, что он обо мне думал...» 4-1-465

Мотя за тот же рукав развернул Мишу к воротам. К двум круглым башням, всматривающимся в московский тракт. К трём входам. – Глянь и ответь. Не совершенство ли? Не само ли согласие? 4-1-460

А летом? Первая россыпь дождя. Лопухи за баней вскинутся, разроет их ветер, сыпанутся горстями кузнечики, затрещат отчаянно и звонко, грозу почуяв. И загрохочет сразу, телегой раскатится по камням гром за Двиною. Пойдёт греметь по крышам тёплая вода, выбивая дробь по перевёрнутому под амбарным потоком корыту. Цветы, радуге подражая, зальют смешанными в небе красками луга, ожидающие звона косы.

А осенью? Ворчит под ногами потревоженный, ко сну улёгшийся лист. С родными болотами прощаясь, высоко в хмуром небе курлычут журавли. Ветер с озера уносит последний печальный скрип уключин, чтобы весной вернуть его весёлым бреньканьем заждавшейся лодке.

А сегодня... Этим зимним днём, тишиной насладись, тоской по гомону, цветам ярким. Того, что сейчас в природе не хватает, в себе найди. И верь... Среди этого белого буйства тишины верь: всё обязательно пробудится. Повторится, добавив к каждому тобой прожитому году свой звук, полутон, цвет, оттенок, тонкий, пряный, как после дождя, запах шиповник 4-1-398

Через два часа, удостоверившись, что возок с Мартином за ворота выехал, владыка Феофан в кабинет вернулся и, найдя в потайном кармане рясы записочку с именем Миши, аккуратно расправил её и положил на дно ящичка, на крышечке которого изображен был циркуль: «Не твой, видно, час». Да тут же себя подправил: «Не наш». 4-1-394

– Так кто? – Аксамитов. Дмитрий. – Аксамитов, – повторил за ним четырнадцатилетний император. – Каменный художник... . 4-1-368

Андрей Иванович сейчас вот только и понял, отчего удивление испытал: наконец, толковый вопрос услышал, а не как обычно за те три года, что приставлен был к Петру для воспитания. Не о псовой охоте. Не о достоинствах кобелей. Не об итальянских винах. Не о глупостях постельных обхождений с дамами. Не о страусиных перьях на шляпах. Не о другой какой ерунде. Вопрос об истории Российской, интерес к роду своему. 4-1-368

И он от дяди к отцу повернулся: – На Нову? – На Нову, Миша. Там таких птиц увидишь. Они человека не знают. Подходи вот, – Василий Дорофеевич руку перед собой выставил, – ... и зарисовывай. 4-1-351

Всё в природе согласно друг с другом. Всё уравновешено на невидимых весах 4-1-335

Ну, играет. Ну, кому и красиво. Но проку-то?– 4-1-340

Лежал, вспоминал день, когда сын родился. Как подхватил его в одной пелёнке и кинулся на мороз, к другу, в соседнюю деревню. Своего, махонького показать... Как потом порой суров к нему бывал. Так то ещё при матери. А как не стало её, так ни разу больше пальцем не задел. Как радовался шажкам его первым, от лавки до ножки стола. Как буквы они с Еленкой учили: «Какá такá кáко?» Как на первую рыбалку, на староречье, на карася водил. Как Мишаня первую свою рыбку вытащил. Кричал, к траве золотистого пузом придавив. Потом всю дорогу нёс его на прутике через всю деревню и всё на отца оборачивался: «Вот какие мы с батей!» Как выплясывал с дедом под балалайку. Как в море впервые вместе вышли, и Миша простору тому душевному радовался. Шторм первый Мишин. Познания его. Как с Китти этой ветреной встретился.

4-1-306

И не бегай боле никуда. Не считай ничего и не выглядывай. Стой под двуглавым, и, как он, головой не крути. Чтоб не искали тебя боле. 4-1-234

Никогда раньше не ждал так Василий Дорощеевич первой проталинки. Не выбегал с Мишей на крыльцо трели скворцовы по утрам слушать. Не мечтал о мае, чтоб ручейкам, открытой воде порадоваться. Не представлял столь раз, засыпая, как чайка первая крикнет призывно где-то в голубизне небесной, словно надежда, которую так ждали, и вот наконец-то она синицей сама в руки к тебе просится. 4-1-226

Никуда и ничто не пропадает 4-1-194

Одно им ясно. Одно в голове. Одно в отяжелевших руках: «С полсотни трещин осталось. 4-1-190

Снизу, с брюшка, птичка снежная вся. А сверху, что парус их соймы, серенькая. 4 1 10

Тогда схватила с шестка нож и разрешила, разрубила узелок. Гордиев свой, иссушивший её узел: – Вот вам... Да тут же её и кольнуло: «Вот мне...» 3-150

И ещё вот что. Ведь понятно, что не мои это мысли. Не способна я к ним. Не я их в себе выносила. А раз так, и чужие они, то как в голову мне попадают? Не прочтённые они. Не услышанные. Не с водою пригоршней зачерпаны. Не с пряного цветка запахом напоившие. Так на каком троянском коне они ахейцами врываются? Через какие неведомые врата?» 3-127

Тут место тихое. Тут всё суетное за стенами». 3-112

. И лицо будто недосолёно. Слово чего не доделывают. Недолюбивают. Без удали, что ли... 3-100

Тот вначале будто растерялся. После принял бережно и по избе с ним – то к Луке, то к племяшам, то к повитухе, то Елене показывать. Будто сам рожал. 3-86

Вот как бывает. Одна жизнь уходила, остывал уголёк. Другая в мир с криком появлялась. На одной лавке – горе, на другой – светлая радость. И сходятся те лавки в красном углу. В одном доме. В одной семье. Под одними иконами. 3-86

– Как? Как мы, как заживём-то теперь? Васюшка! 3-78

Она к телеге – и Фёдор глаз в ту же сторону косит. Она к хозяйке за свечой – и Осипу огонёк понадобился 3-72

– Ты, вишь, то спишь часами, то в блажь, то в слёзы ударяешься, то головой бьёшься. 3-71

И чай – не нечаянно. Чай – предрасположено. 3-60

В одной-то избе живя. Одну беду пережив. Одному Богу молясь. 3-39

Чтоб в том одинаковы были. Будто ножки на токарном станке выточены. И дети чтоб такие же. На копейном станке. Все в него. Одинаковы в прилежании к России. Одинаковы в пренебрежении к себе». 2-403

Он то совершил за срок короткий, что им и не снилось. Они проспали время. А он то время нагнал и перегонять начал. И он достоин. Он император – и со своими, и с иноземными в сравнении 2-396

Многих за год, что у Нартова в токарях при Петровых мастерских, он в лицо знал. Многие из тех, кого знал, за работой его из-за спины присматривая, по плечу одобрительно хлопали. Многим он

своё даривал. Чаще табакерки из недорогих, но с Петровых оттисков, а оттого и ценные для понимающих. Вот все эти многие и многие иные здесь сегодня и были. 2=390

«Но опять же. Советуйся с этим-то! – он вспомнил, как за Толстым присматривал, когда тот дело царевича на одной ножке по скользкому невскому льду, аккуратненько, под ручку провёл. Начальствующий в розыске одним сказал одно, вторым о первых наговорил, третьим четвертое за правду выдал, пятым о шестых наушничал, седьмым с восьмыми столкнул, девятого проигнорировал, так тот сам десятому, будто от первого услышанное, да от Толстого скрытое, передал. И результат – все признались во всём. И в том даже, чего не знали, признались. За компанию. Вот и советуйся с ним! Он, к 2-380

Оба сидели, молчали. Обоим им молчать несвойственно было. И сидеть. Особливо Петру. 2-379

Настроение было благодушным. «Такое благо на душе. Такая благодать!» 2-370

Не жить нам вместе. Не жить мне. Нежить я. И некому миловать. Одни ведь мы совсем. А тебе нельзя. Ты у меня Государь». 2-345

Александр Иванович Румянцев к опытному Толстому присматривался. Тот всё, всё в жизни не просто делал. Всё с дальним прицелом. Всё с прищуром. Всё с подковыркой. Вот и сейчас. 2-336

Глава 37 ВСЁ О ГЛУПОМ, О ГОСУДАРСТВЕННОМ. О ЛЮБВИ НИ СТРОЧКИ... Декабрь 1711 г., Ревель
2-305

Право человека зародить, создать того, кто даст ответ на главный человечества вопрос: зачем мы на Земле? Зачем мы в мире? 2-275

Моё предназначение – а я на многое способен и многих лучше сотворён – в том, чтобы сотворить другого. Того, мудрее кто меня. Среди зверей, растений природа лучших отбирает. Среди людей – то человека право. 2-275

– Нет дороги назад! – махнул рукой на уходящие корабли. – Нет развилки на предстоящем пути, – он выпрямился. 2-216

Ботик будто в храм вплывал. К пристани острова, посвящённого Богу. К земле на краю мира. К краю терпения человеческого. Возможностей его. К обетованной, на которой у души в сомопельниках сама природа. 2-187

Своим путём по вечному пройти. Свой путь в вечном найти! 2-186

Он рождает образы. Он призывает к раздумью. Это для улучшения человека! 2=185

Что не вырваться. Что всё про каждого с рождения известно. Где начало и где конец 2-183

Это такая вековая военная **мудрость**. Приказы не обсуждать. **Никакой** ответственности. **Никаких** виноватых. Вернее, виновный – самый верхний, а самый верхний виновным никогда не бывает. Так, может, то не **мудрость**? Дурость!» 2-178

В море! Уйти от всего, что терзало на суше. Отрезать. Оставить на берегу. Отбросить в последний момент, чтоб не успело заскочить на борт. Отвалить от причальной стенки. Убрать её. Стену сомнений, неуверенности, ожидания. В море! На простор! Где взгляду предела нет, мысль где чайкой носится и сдерживаема лишь воображением. В море, где всюду тебе дорога. Где ветер тебе попутчик. 2-158

«Стыдно, что один. Стыдно за спектакль с бегством». 2-33

Не всем в жизни удаётся справиться с соблазнами. Но не всех жизнь соблазнами и искушает! 5-371

На чужой кухоньке, в чужой квартире, в ставшем чужим городе и не в своей жизни. 5-379

Ни недавнее возвращение в Ленинград, ни дорожное знакомство с почитательницей Стендаля Юличкой, ни ставшая любимой работа и бурная жизнь общежития не смогли сгладить неприятных воспоминаний о поездке в Москву. 5-329

Лондон... Город, в котором он в последние годы бывал чаще, чем где-либо. Город, который не выдаёт твоих тайн. 5-364

Бежит вода вешняя, серовато-рыжевато-пенная, не спутная для северянина ни с какой другой, двинская. Бегут мысли Петра, мечутся от Августа к Карлу, от Испании к Бранденбургу, от Вологды к Архангельску, от Сухоны к Двине, барку к морю Белому торопя. 2-86

– Вот гостиная, и сплю я тут на диване, – комментировал Иванович. – Гостиная, а ты вот первый гость, кто в неё зашёл. 5-323

Одно событие, один малознакомый собеседник за три часа изменили, перевернули ценности Корешка. 5-314

И тогда уж решайте. Чтоб не за Вас, чтоб Вы сами, **как и** писатель Димитрий, **как** император Российский Пётр Великий, **как** Елена Ивановна и Василий Дорофеевич – родители Мишани Ломоносова, **как** Михаил Васильевич, гений, равного которому так и не родила пока Русская земля, **как** Евгении Ивановичи. **Сами и решайте...** Ведь и мы... Каждый... Смеем! Мнение своё иметь! 5-289

– Не сметь! – раздался откуда-то сверху властный голос. Корешок вскинул голову и на балконе четвёртого этажа увидел перегнувшегося через перила Николая Ивановича. – Не сметь разворачивать! Дикари! – кричал обычно уравновешенный и никогда не повышавший голоса старичок. 5-299

«Им всяк скажет: да. По фактам – да! И тут же прибавит: но... И вот это-то Но уж сколько веков всё остальное перевешивает. Но как тогда? Но если, правда?.. Но ведь это... В общем... Но-но-но. Да! Именно так всё и завершится. „Но-но!“ – 5-182

Шлагбаум опустили. Всё. До мая мы на острове». «Шлагбаум в прошлую жизнь, – подумала Марина. 5-238

Глубинная книга... Многие слышали, что есть она. Не все знают, где. Из тех, кто всё же нашёл, мало кто смог или решился открыть. Из тех, кто открыл, не каждый понял, что в ней сокрыто. Из тех, кто понял, многие дальше читать боялись. И уж совсем мало тех, кто воспылал вписать в неё своё. 5-286